

АРАЗОВА М.А.

*(Уральский государственный педагогический университет,
Екатеринбург, Россия)*

УДК 821.161.1-1(Елагин И. В.)

«НЬЮ-ЙОРК – ПИТСБУРГ» КАК ИТоговая ПОЭМА ИВАНА ЕЛАГИНА

Аннотация. В статье представлен анализ поэмы Ивана Елагина «Нью-Йорк – Питсбург», опубликованной в книге «Тяжелые звезды» (1986), как итогового произведения поэта. Теория итоговой книги стихов дана с опорой на труды О. В. Мирошниковой и Ю. В. Казарина. В статье предпринят анализ образных мотивов поэмы, в частности – урбанистических образов, в соотнесении с более ранними произведениями Елагина. В качестве одного из ключевых мотивов для поэта представлен мотив дороги. Выявляется автобиографический характер поэмы «Нью-Йорк – Питсбург». Проведенный анализ позволяет выявить ряд признаков итогового произведения в данной поэме. Однако в поэме Ивана Елагина не наблюдается характерного для итогового произведения прощания лирического героя с жизнью. У поэмы Елагина пафос другой – жизнеутверждающий пафос примирения с действительностью, идущий вразрез с трагической тональностью предыдущих книг автора.

Ключевые слова: поэмы; города; дороги; русская эмиграция; поэтическое творчество; литературные образы.

Иван Елагин (1918–1987) – один из самых ярких поэтов второй волны русской эмиграции. Он уехал из СССР в годы Второй мировой войны, когда его жизнь и жизнь его семьи попала под угрозу. Первое время Иван Елагин с женой и дочерью жили в лагерях для перемещенных лиц в Германии, и только в 1950 году семье удалось переехать в Нью-Йорк. Однако жизнь в Нью-Йорке наладилась не сразу. Поэт не мог найти работу, что осложнялось тем, что он практически не знал английского языка. Но вскоре им заинтересовалась старейшая русская газета «Новое Русское Слово», где Елагин проработал потом долгие годы.

Эти и некоторые другие моменты биографии отражены Иваном Елагиным в поэме «Нью-Йорк – Питсбург» [Елагин 1986: 347-358], которая завершает его итоговую книгу «Тяжелые звезды», изданную друзьями в последние дни жизни поэта в 1986 году. Сам Елагин в первых же строчках оговаривает, что, возможно, эта книга будет последней:

Сегодня новый замысел возник.

Возможно, что последняя из книг.

(Какая-то должна же быть последней!) [347]

О «последних стихотворениях» в литературоведении впервые заговорил Ю.В. Казарин, который составил антологию «Последнее стихотворение. 100 русских поэтов XVIII–XX веков». В этой антологии он дает определение последнему стихотворению: «Последнее стихотворение – это одновременно и поэтический текст, и метатекст, соединяющий в себе все лучшее, что есть в творчестве поэта, а также отмечающий завершение формирования конкретной поэтической личности и обозначающий рубеж, или рубец, столь же разделяющий, сколько и соединяющий физическую жизнь поэта с его метафизическим существованием» [Казарин 2004: 39]. Последнее стихотворение всегда идентифицирует ранее написанные тексты. Оно может иметь следующие формы: завещание, откровение, исповедь и т. д.

О. В. Мирошникова пишет о том, что ««итоговость» заключается в стремлении лирического субъекта к постановке «последних» проблем бытия, «предельных» вопросов человеческого существования» [Мирошникова 2004: 104]. Исследователь рассматривает итоговую книгу стихов как жанровое образование.

О. В. Мирошникова выделяет следующие черты итоговой книги:

- репрезентация текстов итоговой книги к текстам раннего существенного периода либо ко всему творческому пути;
- изображение в итоговой книге рубежности, пороговости бытия, понимание лирическим героем того, что он собирается покинуть этот мир;
- «сквозная лирическая коллизия всех «последних песен»: подведение итогов, тяжба с быстротекущим временем и поиски вечных неизблемых ценностей» [Мирошникова 2004: 116]. Со сквозной лирической коллизией связан и комплекс мотивов итоговой книги;
- существенную роль в итоговой книге играет образ лирического героя, который прощается с жизнью и др.

У Ивана Елагина ощущение последней книги подкрепляется образом звезд, которые символизируют для него поспешно сменяющие друг друга последние дни жизни. В ранней лирике поэт часто делал намеки на связь звезды с судьбой. Звезда у него окутана неким ореолом таинственности, словно она знает наверняка, что ждет человека в ближайшем будущем. Будучи связанной с судьбой, звезда связывается

еще и со смертью. Когда человек умирает, его звезда тоже гаснет. Еще примечательнее то, что именно звезды приходят забрать человека из этого мира. Так, метафора «созвездие Топора» в елагинской поэзии связана именно со смертью. Поэт верит, что звезды знают, когда за ним придет смерть, знают и зловеще нависают над ним, не давая ему покоя, тревожа его сознание.

Пространство поэмы – большой американский город Нью-Йорк, в который из Питсбурга едет лирический герой. Образа Питсбурга в этой поэме не представлено. В самом названии угадывается мотив передвижения из одного пункта в другой. Но в поэме важна не только дорога. Сам город представлен у Ивана Елагина колоритно. К тому же, этот город любим поэтом, что идет вразрез с его более ранней лирикой. Ранее пространство американских городов у Ивана Елагина всегда было заполнено небоскребами, светом, самолетами. Это были города каменные, ничем не напоминающие природу, более того, противостоящие ей. Это города, полностью построенные из алюминия, камня. И люди, живущие в них, не знали ничего, кроме этих городов, даже чистого неба.

Ранее лирическому герою в американском городе, отрицающем собой всю природную благодать, было тесно и неудобно. В окружении машин и небоскребов он сам начинал чувствовать себя механизмом. Лирический герой хотел сохранить свою индивидуальность, сохранить память, человеческие чувства, но город требовал от него бездумной механистичности и следования предписанным правилам. Однако лирический герой мыслил шире правил. Он на фоне яркого, мерцающего светом, завораживающего мегаполиса претендовал на размеры Вселенной:

*А я слонялся как сомнамбула,
Мне вся вселенная мала была,
Пока не написались набело
Осенние стихи [233]*

В итоговой поэме мы видим, что лирический герой Ивана Елагина примиряется с американским городом, хотя его характеристики как мира каменного и бездуховного в поэме остаются. Но то, что пугало в нем прежде, начинает ему нравиться, восхищать его:

*Я, несмотря на все, люблю Нью-Йорк!
Меня всегда приводит он в восторг –
И день и ночь меняющийся город [347]*

В поэме «Нью-Йорк – Питсбург» Иван Елагин уже отдает предпочтение Нью-Йорку, несмотря на то, что в этом городе каждый встречный пытается человека обмануть. В Нью-Йорке все постоянно обновляется. Приезжая туда спустя несколько лет, поэт не узнает этот город. Нью-Йорк не ценит культуру: театры, музеи и памятники ему не нужны. С каждым годом здесь все больше банков, лавок и кинотеатров. И хоть это радует душу лирического героя, чем-то Нью-Йорк его завораживает. С этим городом у Елагина связано много воспоминаний, работа в «Новом русском слове», дружба с интересными людьми. Все это представляет для поэта огромную ценность. Получается, что город ценится им не сам по себе, а благодаря тому, что в этом городе происходило, какие жизненные события с ним связаны. Чем больше с ним связано теплых воспоминаний, тем он милее сердцу поэта.

Как и в ранней лирике, Иван Елагин обращает внимание на световые характеристики города:

«Как в небо, сердце города, твоя / Угластая впилась кардиограмма» [351], «Над баром – свет рассеянно-нерезкий» [348], «Там на экранах битвы огоньков / Лиловых, синих, красных и зелёных...» [349], «За окнами фонарь сверкнул во мрак, / На миг ударив светом в буерак» [354], «И света станционного пучок / Ударил об автобусные стёкла» [357].

Здесь Иван Елагин близок В. Маяковскому, для которого в урбанистической лирике также были важны свет и цвет, и, конечно, сохраняются мотивы ранней лирики самого Елагина, где образ города всегда сопровождался блеском, либо отражением света в воде, либо в витринах зданий. В итоговой поэме мы также видим очень много сильного сияния ламп, тускло-желтого света фонарей.

Удивляет описание города и обилием деталей, выхваченных зорким взглядом поэта из повседневной жизни Нью-Йорка. Тут и объекты города: банки, лавки, кино, бары, памятники, театры, музеи, – всему находится место в поэме. Есть здесь и детали, связанные с людьми. Чаще всего, это их занятия, которые были схвачены за пару секунд лирическим героем. Незвестных герою людей в этой поэме много. Они целуются, читают книги, пьют, гуляют с собакой, играют на музыкальных инструментах. Зачастую все детали даются поэтом в перечислении, словно наваленные друг на друга, отчего создается впечатление переполненности пространства. Елагин не заостряет внимание на этих деталях, не рассматривает их пристально, просто упоминает о них по ходу дела. Они мелькают друг за другом сами по себе, как резко сменяющие друг друга картинки или кадры, и заполняют собой пространство воссоздаваемой картины. Но от этой наполненности,

загроможденности образ города детализируется, в нем словно нет пустых мест.

Однако говорить о том, что само описание города является главным замыслом поэмы, не приходится. Город – это только внешний фон для чего-то более значимого, более важного для поэта. Описывая детали города, Иван Елагин воссоздает свою жизнь. Он даже проговаривает, что эту жизнь, ее детали он нарочно намерен претворить в стихи:

*Немедленно стихами стать должно
И то, что я сейчас гляжу в окно
Автобуса, и эта автострада,
И вереница мчащихся машин,
И клены, и летящие с вершин
Десантные отряды листопада [347].*

Эта поэма автобиографична, и об ее автобиографичности говорит многое. Во-первых, лирический герой на протяжении поэмы постоянно вспоминает свое прошлое. Передвижение в пространстве от одного американского города к другому одновременно является пространством-временем памяти, попыткой саморефлексии. В этом прошлом зачастую угадывается жизнь самого Ивана Елагина: его долгие поиски работы в Нью-Йорке (мастерская, архив и т.д.), наконец, выпавшая удача – приглашение работать в «Новом Русском Слове». В поэму включены образы коллег, работавших в газете, и друзей, которые когда-то были рядом с поэтом, но сейчас многих из них уже нет в живых. Иван Елагин пишет об этих людях так, словно хочет увековечить их в своей поэме. Их образы воскресают из памяти и возникают перед читателями в полном объеме. Поляков, Мартьянов, Седых, Сапронов – люди в поэме Ивана Елагина названы по фамилиям, что уже выделяет их из безликой толпы, наполняющей Нью-Йорк.

Есть в поэме и мотив утраты родного дома. Лирический герой, вернувшись в Нью-Йорк, пытается отыскать свой прежний дом, что был для него «и адом был, и раем», но этого дома не находит. Бульдозер – неизменный «козырь» Нью-Йорка, не привыкшего лелеять прошлое. Здесь опять появляются детали разрушения:

*Сейчас его с лица земли снесут,
И кажется таким он беззащитным.
Вся внутренность его обнажена,
Парадная, передняя стена*

Обрушена тараном стенобитным [348].

Интересно, что дом, который вот-вот снесут, олицетворяется по-этом. Страдание приписывается ему, как человеку. Но это страдание во многом бессмысленно, ведь через какое-то время об этом здании никто даже не вспомнит, а на его месте будет сверкать новый дом, более подходящий городу своим внешним видом. Возможно, этот образ можно воспринимать как автометафору самого лирического героя, обреченного стать совсем другим в новых обстоятельствах и вспоминающего сейчас, в дороге, себя прошлого.

Выражая своей любовью к Нью-Йорку приятие новой жизни, Иван Елагин, тем не менее, постоянно думает о прошлом. Поэтому лирический герой, глядя на современный город, видит его таким, каким он был несколько лет назад. Но прошлое все равно остается прошлым:

Теперь все это мохом поросло [348].

Не только детали разрушения бросаются в глаза в поэме Ивана Елагина. Есть здесь и негативные образы, пугающие сравнения, которые звучат как отголоски трагического мироощущения, свойственного его ранним поэтическим книгам: «десантные отряды листопада» [347], «шантрапа по улицам ползла, как анаконда» [347]. Как и в раннем стихотворении «Гринвич Виллидж» поэт представляет нам жителей города, занимающимися всевозможными делами, не обремененными суровостью бытия. Ироническое отношение к ним выражается с помощью разговорной лексики, которой их характеризует поэт:

*И целый день толятся у картин
Ценителей задумчивые морды [348].*

Таким образом, поэма включает в себя два разных полюса в образе американского города и в душе самого лирического героя: положительное и отрицательное, любимое и нелюбимое, старое и новое. Каждому из этих полюсов соответствует огромное количество деталей, непосредственно связанных с биографией поэта: Беженские бараки, мастерская, «Новое русское слово» и т. д.

К тому же делать акцент на том, что эта поэма о городах, нельзя, потому что на первый план выходит мотив пути. Дорога – ключевой образ всего творчества Ивана Елагина. Здесь очень важно сопоставле-

ние с ранней лирикой поэта, в которой, однажды отправившись в дорогу, лирический герой попадал в замкнутый круг. Именно дорога всегда символизировала скитания поэта по жизни, его эмигрантскую судьбу, его отверженность от домашнего очага. Примечательно, что в ранней и даже в относительно поздней лирике, герой никогда не прибывал в пункт назначения. В поэзии Ивана Елагина есть тысячи дорог, сменяющих одна другую, но нет дома, способного заменить родной дом, который он раз и навсегда оставил, куда он не может вернуться. Отсюда все мотивы странничества, бездомности. С точки зрения пространства это, конечно, динамика, но для самого поэта такой замкнутый круг из бесконечных дорог становится в каком-то роде статикой, местом, откуда он не может выбраться.

*То, что в небе высоком,
В стороне голубой
Было греческим роком –
Стало русской судьбой.
Переезд, переезд,
Как еще не надоест! [172]*

Елагин постоянно пишет о том, что ничего, кроме дороги у него не было. И этот «кочевнический крест» [170] он понимает как русскую судьбу.

В поэме «Нью-Йорк – Питсбург» образ дороги двоятся: это и сама дорога, пространство между двумя городами, и символ жизни, которая неотделима от движения. Дорогу мы представляем ясно:

*Автобусные стекла все темней,
Дорога все темнее. И по ней
Бегут, бегут, бегут автомобили...
Опять всю ночь перед окном сиди... [350]*

Дорога для И. Елагина – нечто постоянное, то, что уже привычно и неизменно, и в этом мы видим переключки с ранней поэзией, о которой говорили ранее. Вся поэма иллюстрирует привычность к кочевой жизни, готовность к любым потерям и переменам. Пространство произведения организовано векторно: человек перемещается от одной точки к другой, чтобы достигнуть своей цели. При этом его цель – не просто возвращение в город. В поэме представлено окончательное

прощание с прошлым и решение лирического героя идентифицироваться со своим новым обликом, новым статусом.

Но автобус, – средство перемещения лирического героя, – в какой-то миг преодолевает свою обыденность и заземленность. Недаром возникает необычное сравнение летящего к фонарям моста автобуса – и ракеты, мелькающей среди звезд. Внезапный яркий свет становится сигналом к началу новой жизни. Примечательно, что в финале поэмы Иван Елагин не отказывает своему лирическому герою в обретении дома:

...Сейчас мы завернем.

Я вижу белку на окне моем.

Подъехали. Я дома. Слава Богу [357-358].

Это символично, потому что ранее герой в стихотворениях дома не находил, он был заключен в бесконечном пространстве дороги. А в финале поэмы «Нью-Йорк – Питсбург» злключения героя, наконец, заканчиваются. И последняя строчка этой поэмы – свободный вздох и благодарность Всевышнему за долгожданное пристанище.

Поэма «Нью-Йорк – Питсбург» содержит в себе следующие черты итогового произведения: во-первых, она обозначает завершение формирования творческой личности Ивана Елагина, подводит смысловой итог всему творчеству поэта; во-вторых, она содержит отсылки к мотивам, характерным для раннего творчества поэта, но теперь эти мотивы раскрываются немного иначе; в-третьих, специфика пространственно-временных координат представлена в оппозиции «домашнего-социального», «прошлого-теперешнего». Однако мы не наблюдаем характерного для итогового произведения прощания лирического героя с жизнью. У поэмы Елагина пафос немного другой – это пафос примирения. Но итоговость этого пафоса очевидна.

И нахождение лирическим героем дома, и примирение с американским городом, даже очевидная любовь к нему, говорят о примирении лирического героя Ивана Елагина со своей судьбой, с тем местом, где ему суждено провести остаток своих лет. Этого чувства примирения в поэзии Елагина раньше не было. Жизнеутверждающий пафос последней елагинской поэмы идет вразрез с пафосом предыдущих поэтических книг. Несомненно, эта поэма является итоговой как в хронологическом, так и в смысловом плане, так как она подводит черту долгим размышлениям лирического героя. Но значит ли это, что сам Иван Елагин под конец жизни примирился со своей эмигрантской судьбой?

ЛИТЕРАТУРА

Елагин И. Тяжелые звезды. Избранные стихотворения. – Анн-Арбор: Эрмитаж, 1986.

Казарин Ю. В. Последнее стихотворение. 100 русских поэтов XVIII–XX веков. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004.

Мирошникова О. В. Итоговая книга стихов последней трети XIX века: архитектоника и жанровая динамика. – Омск : Изд-во ОмГПУ, 2004.

Синкевич В. Последние дни Ивана Елагина // Новый мир. – 1990. – № 3. – С. 187-193.

Толстоброва Л. В. Интертекстуальные мотивы и образы в лирике И. В. Елагина [Электронный ресурс] // Вестник Вятского государственного университета. – 2014. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/intertekstualnye-motivy-i-obrazy-v-lirike-i-v-elagina> (дата обращения: 12.10.2018).

Толстоброва Л. В. Мотив дороги в лирике Ивана Елагина. – Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. – 2014. – № 5. – С. 145-147.

REFERENCES

Elagin I. Tyazhelye zvezdy. Izbrannye stikhotvoreniya. – Ann-Arbor: Ermitazh, 1986.

Kazarin Yu. V. Poslednee stikhotvorenie. 100 russkikh poetov XVIII–XX vekov. – Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2004.

Miroshnikova O. V. Itogovaya kniga stikhov posledney treti XIX veka: arkhitektonika i zhanrovaya dinamika. – Omsk : Izd-vo OmGPU, 2004.

Sinkevich V. Poslednie dni Ivana Elagina // Novyy mir. – 1990. – № 3. – S. 187-193.

Tolstobrova L. V. Intertekstual'nye motivy i obrazy v lirike I. V. Elagina [Elektronnyy resurs] // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2014. – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/intertekstualnye-motivy-i-obrazy-v-lirike-i-v-elagina> (data obrashcheniya: 12.10.2018).

Tolstobrova L. V. Motiv dorogi v lirike Ivana Elagina. – Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova. – 2014. – № 5. – S. 145-147.

Науч. руководитель: Барковская Н.В., д.ф.н., проф.